

А.А. Митрофанов*

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ САВОЙСКОЙ МОНАРХИИ КОНЦА XVIII В.

В современной историографии популярна точка зрения о том, что якобинское движение в Италии носило характер замкнутого меньшинства, в идеологическом и культурном отношении изолированного от других общественных групп (М. Броерс, Дж. Рикуперати, Г. Тури, М. Вильоне). Автор статьи переносит центр внимания с «республиканского трехлетия» 1796-1799 гг. на более ранний период 1791-1794 гг. и анализирует документы из архивов Турина и Москвы, чтобы понять, как воспринимался якобинизм в политическом дискурсе Савойской династии. По мере развития Революции и военных действий в Савойе и Пьемонте термин «якобинец» подвергался сознательной криминализации и использовался для маргинализации радикалов, «подозрительных», «пропагандистов», «вольнодумцев», «республиканцев» – всех категорий противников монархии в Сардинии. В статье впервые проанализированы документы Архива внешней политики Российской империи об участии представителя российской дипломатической миссии в Турине (Н. Вансона) в деятельности тайного республиканского общества Пьемонта и позиция российских и сардинских дипломатов по данному вопросу (1794 г.). Также впервые, на основе неопубликованных материалов Государственного архива Турина, прослеживается формирование в официальном дискурсе Савойской монархии отношения к революционерам из бывшего герцогства Савойя в период крупных народных волнений – гражданской войны в долине Тон (la guerre de Thônes), восстания в Анси и области Фосиньи (Faucigny), попытки восстания в Каруже (Carouge) (1793 г.). Сардинские власти не оставляли надежды на восстановление суверенитета над утраченными территориями и воспринимали «апологетов Революции» как подданных короля, совершивших опасное государственное преступление.

Ключевые слова: Сардинское королевство, Пьемонт, Савойя, якобинцы, республиканцы, Дж.-Б. Ротондо, Н.Вансон

---

* Андрей Александрович Митрофанов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва), paxgallica@gmail.com

Andrei Mitrofanov, PhD in History, Senior Fellow at State Academic University for the Humanities, Fellow at Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow), paxgallica@gmail.com

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00226.

Цитирование: Митрофанов А.А. Революционеры в политическом дискурсе Савойской монархии конца XVIII в. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-95-120 // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 95-120.

Поступила в редакцию 10.03.2020

Принята к печати 17.03.2020

Andrei Mitrofanov

**REVOLUTIONARIES IN THE POLITICAL DISCOURSE OF
THE SAVOYARD MONARCHY IN THE LATE 18th CENTURY**

The most popular point of view in modern historiography is that the Jacobin movement in Italy was consisted of a closed minority, which was ideologically and culturally isolated from other social groups (Cf. M. Broers, J. Ricuperati, G. Turi, M. Viglione). The author of the article proposes to shift the focus of attention from the “triennio repubblicano” of 1796-1799 for an earlier period of 1791-1794 and analyzes documents from the archives of Turin and Moscow in order to understand how «Jacobinism» was perceived in the political discourse of the Savoyard dynasty. As the revolution and military operations in Savoy and Piedmont developed, the term “giacobino” was deliberately criminalized and used to marginalize all radicals, “suspicious”, “propagandists”, “freethinkers”, “republicans” all categories of opponents of the monarchy in Sardinia. The author of the article analyzes for the first time the documents from the Archive of foreign policy of the Russian Empire concerning the participation of the Russian diplomat in Turin (N. Vanzone) in the activities of the secret Republican society of Piedmont and the attitudes of Russian and Sardinian diplomats towards this fact (1794). The author basing on unpublished materials of the State archive of Turin, traced also for the first time the formation of official attitude of the Savoy monarchy towards the revolutionaries in the former Duchy of Savoy during the period of major unrest and civil war in the valley of Thônes, of uprisings in Annecy, in the region of Faucigny and in Carouge (1793). The Sardinian authorities did not give up hope of restoring their sovereignty over the lost territories and perceived the

"apologists of the Revolution" as bad subjects which had committed a dangerous state crime.

Keywords: Sardinian kingdom, Piedmont, Savoy, Jacobins, the republican conspiracy, G.B. Rotondo, N. Vanson

Acknowledgements

The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant 18-18-00226.

For citation: Mitrofanov A.A. (2020). *Revolutsionery v politicheskom diskurse Savoyskoy monarkhii kontsa XVIII v.* [Revolutionaries in political discourse of the Savoyard monarchy in the late 18th century] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-95-120. *Annual of French Studies 2020*. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 95-120.

Submitted: 10.03.2020

Accepted: 17.03.2020

Темы Французской революции XVIII в. и эпохи «республиканского трехлетия» 1796-1799 гг. всегда были тесно связаны в Италии с размышлениями о национальной истории в целом, особенно после 1945 г., когда возникла проблема актуализации истории демократической и республиканской Италии после двадцатилетнего господства в стране фашизма¹. Одним из важнейших в данном отношении был и остается вопрос о сущности и особенностях такого явления в Италии как якобинизм². Проблема характера и периодизации якобинского движения в Италии в эпоху Французской революции находится в центре научных исторических, философских и политических дискуссий уже на протяжении двух столетий. В творчестве отцов романтической и либеральной историографии, современников политических баталий Рисорджименто, историков периода фашистской диктатуры и послевоенных десятилетий XX в. рождались всё новые, до крайности политизированные, интерпретации этого явления.

Созданные с 1950-х гг. научные работы позволили по-новому взглянуть на «республиканское трехлетие», вникнуть в социальную и политическую программу республиканцев и их противников, а в канун двухсотлетия указанных событий провести деталь-

---

¹ *Burstin H.* Autour de la «révolution passive» en Italie: réflexions comparatives // *AHRF*. 2003. № 334. P. 62.

² Подробнее о понятии «якобинизм» см.: *Dictionnaire historique de la Révolution française* / Sous dir. de A. Soboul. 2de éd. P., 2006. P. 585-592.

ный анализ соперничавших политических дискурсов, событий провинциальных «революций», народной войны против французских завоевателей, контрреволюционного движения. Не удивительно, что и терминология в новейших исторических исследованиях Э. Лезо, Е. ди Риенцо, А. де Франческо, Г. Тури, М. Брерса, других известных специалистов существенно изменилась³. Даже само трехлетие 1796-1799 гг. сменило название с «якобинского» на «республиканское». Особый интерес вызывают последние исследования по истории антиреволюционного партизанского движения Инсордженца⁴. Вместе с тем, вопрос о сути и истоках якобинизма в Италии сохраняет свою актуальность. Чтобы исследовать истоки данного феномена, необходимо обратиться к источникам более раннего периода – 1789-1796 гг., когда итальянские государства впервые столкнулись с мощнейшим идеологическим влиянием Французской революции.

По мнению Х. Бурстина, наблюдавшаяся в предшествующей итальянской историографии тенденция к преувеличению исторической роли местных якобинцев была проявлением своеобразной «гражданской страсти», направленной на выявление объединяющего центра в национальной исторической памяти, а также была вызвана стремлением объяснить политическое отставание итальянских государств и их копирование французского революционного опыта⁵. Итальянский вариант якобинизма как «периферийный», выделяли и классики советской историографии: «Хотя итальянских патриотов и республиканцев их противники из правительственного лагеря уже в первой половине 90-х годов нередко именовали “якобинцами”, в итальянских условиях тех лет имело весьма широкий и расплывчатый смысл и очень часто не было тождественно тому конкретному социально-историческому содержанию, которое оно приобрело во Франции. В Италии “якобинцем” называли

³ Leso E. *Lingua e rivoluzione: ricerche sul vocabolario politico italiano del triennio rivoluzionario, 1796-1799*. Venezia, 1991; Broers M. *Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1733-1821. State Building in Piedmont*. Oxford, 1997; Francesco A. de. *Storie dell'Italia rivoluzionaria e napoleonica (1796-1814)*. Milano, 2016.

⁴ Agnoli F.M. *Gli Insorgenti*. Trento, 1989; Agnoli F.M. *Guida introduttiva alle insorgenze controrivoluzionarie in Italia durante il dominio napoleonico 1796-1815*. Pessano, 1996; Cattaneo M. *Insorgenze controrivoluzionarie e antinapoleoniche in Italia (1796-1814). Presunti complotti e sedicenti storici // Passato e presente*. 2008. № 74. P. 81-107; Folle controrivoluzionarie. *Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica*. Roma, 1999; Viglione M. *La Vandea Italiana. Le insorgenze controrivoluzionarie dalle origini al 1814*. Milano, 1995; Viglione M. *Rivolte dimenticate. Le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815*. Roma, 1999.

⁵ Burstin H. *Op. cit.* P. 62.

всякого человека “крайних взглядов”, то есть солидарного с Французской революцией и ее идеями, и активного противника существующего политического устройства», – отмечал В.С. Бондарчук⁶.

Конец XX в. был отмечен в исторической науке методологическими новациями. Историки Италии по-своему откликнулись на них, занявшись реконструкцией итальянского политического дискурса конца XVIII – начала XIX вв. Однако понятие «якобинцы», персональный состав которых так и не был с точностью определен, все чаще стали заменять аутентичными синонимами того периода – «патриоты» или «демократы»⁷. К. Капра отмечает: «Термином “якобинцы” этих патриотов или демократов (как они сами и предпочитали себя именовать) называли в Италии их противники; это были в основном молодые люди, принадлежавшие к профессиональной и интеллектуальной буржуазии или к духовенству, многие из которых получили свой первый политический опыт в клубах и в заговорах 1793-1795 гг. Они прошли через испытание тюрьмами или изгнанием и смогли вернуться в Италию лишь после вступления в нее французской армии. Сознывая, что они представляют собой всего лишь меньшинство, боевой авангард, они изначально верили в поддержку со стороны французских генералов и комиссаров и, особенно, в успех пропаганды революционных идей среди народа»⁸.

Напротив, мэтры англо-саксонской историографии трактуют итальянский якобинизм как «маргинальное интеллектуальное ответвление» широкого патриотического движения, наблюдавшегося во всех итальянских государствах. По мнению М. Броерса изучение патриотического движения, даже в рамках одного региона, например, Пьемонта, важнее для познания социальной и политической истории Франции и Италии, чем изучение небольших, не пользовавшихся в народных массах популярностью групп интеллектуалов, которые были «сметены» после Брюмера⁹.

⁶ Бондарчук В.С. Италия в период Французской революции и наполеоновского господства (1789-1814 гг.) // История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 21.

⁷ См., например: *Criscuolo V. L'idee de republique chez les jacobins italiens* // AHRF. 1994. № 296. P. 279-296.

⁸ *Capra C. Gli italiani prima dell'Italia. Un lungo Settecento, dalla fine della Controriforma a Napoleone*. Roma, 2014. P. 317. Схожий по сути вопрос: мог ли в принципе существовать альтернативный вариант якобинизма в соседней с Францией Швейцарии в конце XVIII века? ставят швейцарские историки. См.: *Czouz-Tornare A., Maradan E. A la recherche d'un jacobinisme helvétique* // AHRF. 1990. № 282. P. 422-445.

⁹ *Broers M. Revolution as vendetta: Patriotism in Piedmont 1794-1821* // The Historical Journal. 1990. Vol. 33. № 3. P. 573.

И хотя, следуя традиции последних десятилетий, сравнительный исторический анализ идей и программ итальянских патриотов разных регионов, большинство которых равнялись на французский опыт, показывает, что различия в их среде были чрезвычайно велики, определенный радикализм, эгалитаристские взгляды и критика термидорианцев были характерны для многих политиков и публицистов Италии¹⁰. Тем не менее, еще большую актуальность сегодня имеет сравнительный анализ дискурсов противоборствующих групп: патриотов и инсургентов, что позволяет ставить как новые вопросы, так и отвечать на старые, отказываясь от идеологического детерминизма и телеологии¹¹.

Даже некоторые из современников, принадлежавших к числу сторонников новых взглядов и преобразований, признавали якобинизм универсальным и разрушительным явлением. Так, выдающийся швейцарский литератор, журналист, коллега Ф.М. Гримма и Д. Дидро, Я.Г. Мейстер (1744-1826) писал в 1795 г.: «Я ненавижу и всегда буду ненавидеть революции. Дух якобинизма по самой своей природе разрушителен для любого типа правления, а потому рядом с таким разрушительным явлением даже самая демократическая республика не сможет продержаться дольше, чем самая неограниченная монархия»¹².

В политическом словаре Италии на исходе «республиканского трехлетия» якобинизм как политическая доктрина имел весьма негативный смысл. Террор и государственные перевороты во Франции, специфический неоякобинизм времен Директории, гражданские войны в итальянских землях способствовали его отторжению. Синонимами «якобинца» были «атеист», «убийца», «распутник», «предатель», «мятежник», «безумный фанатик»: «После того, как якобинцы пролили так много собственного пота и столько чужой крови, основав демократические республики, – отмечал венецианский памфлетист, – они испытали на себе ревность и гонения со стороны своих неблагодарных детей, и многие из них были также отправлены на гильотину за свое патриотическое рвение. Не забыли ли якобинцы, что от ехидны могут родиться только подобные

¹⁰ См.: *Petracone C. Il giacobinismo napoletano // Modello politico giacobino e le rivoluzioni. Sotto la dir. M.L. Salvadori, N. Tranfaglia. Firenze, 1984, P. 138-141; Чудинов А.В. «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 25-41.*

¹¹ *Turi G. Guerre civili in Italia. 1796-1799. Roma: Viella, 2019.*

¹² *Meister J.H. Souvenirs de mon dernier voyage à Paris (1795). P., 1910. P. 46.*

ей детеныши, которые, по самой своей природе разрывают своего же родителя? Жалобы на природу бесполезны»¹³.

Революционные события производили в итальянском языке глубокую политизацию, особенно в отношении традиционной оппозиции враги/друзья, где традиционное для раннего Нового времени противопоставление друг другу разных государств и конфессий дополнялось новым идеологическим конфликтом, в котором противника стремились делигитимизировать, дегуманизировать и изобличить как предателя и угрозу общественному порядку¹⁴.

В политическом ландшафте Италии владения Савойской династии занимали среди всех государств особое место: именно здесь территориальная, языковая и экономическая близость к Франции обернулась после 1789 г. ускорением социального и политического кризиса. Именно в этом регионе быстрее других начали развиваться новые политические структуры по образцу революционных французских¹⁵. По мнению М. Броерса, первым поколением пьемонтских патриотов были чистые идеологи, которые сформировались в период между 1789 и 1796 гг., до начала Итальянского похода Бонапарта. Сначала они выступали в поддержку идей Революции, «идеалов 1789 года», затем в поддержку вторжения французских армий в Савойю, Ниццу и Пьемонт. Они в основном исподволь, реже открыто, действовали против местных властей Савойской династии¹⁶.

В своей статье я попытаюсь рассмотреть, как правительство Пьемонта расценивало действия подобной оппозиции и каким образом эти оценки находили отражение в официальном политическом дискурсе.

Основным источником настоящего исследования станет документация из фондов Государственного Архива Турина. Значительно дополняют ее сведения об истории Сардинского государства XVIII в., дипломатические донесения из миссий А.М. Белосельского-Белозерского и Г.О. фон Штакельберга в Турине и И.Г. Лизакевича в Генуе, хранящиеся в Архиве внешней политики Рос-

¹³ Nuovo vocabolario filosofico-democratico indispensabile per ognuno che brama intendere la nuova lingua rivoluzionaria. Venezia, 1799. P. 22-23.

¹⁴ Rao A.M. Guerre et politique. L'ennemi dans l'Italie révolutionnaire et napoléonienne // ANRF. 2012. № 369. P. 139-151.

¹⁵ О республиканцах в Пьемонте: *Vaccarino G. Giacobini Piemontesi 1794-1814*. 2 vol. Roma, 1989; *De Felice R. Italia giacobina*. Napoli, 1965; *Zaghi C. L'Italia giacobina*. Torino, 1989.

¹⁶ Broers M. Op. cit. P. 575.

сийской империи. Как привлеченные для настоящего исследования дела из Туринского архива, так и из АВПРИ в большей своей части не публиковались¹⁷.

* * *

В 1789-1791 гг. антиправительственные мятежи охватили несколько важных в экономическом отношении провинций Сардинского королевства. Помимо «великого возмущения» в Савойе, мятежи и протесты различного характера имели место в Кунео, Асти, Алессандрии, коммуне Верчелли и ряде других мест. Причины этих вспышек недовольства крылись в экономических противоречиях аграрного хозяйства региона: в 1790-1791 гг. большинство сельскохозяйственных районов страны пережили неурожай. В условиях дефицита продовольствия в массовом сознании рождались коллективные фобии, среди которых на первом месте стоял призрак голода.

Документы архива министерства внутренних дел Сардинии, в частности, отчеты местных полицейских властей и губернаторов государственному секретарю графу Гранери раскрывают некоторые специфические особенности традиционного пьемонтского бунта того времени. Так, в начале июля 1791 г., крупный антиправительственный мятеж разразился в коммуне Дронеро в провинции Кунео в 70 км от Турина. Вооруженные ружьями, дубинками и камнями отряды жителей коммуны в течение нескольких дней совершали противоправные действия, но местные власти оказались не готовы к решительным мерам против бунтовщиков. Те же угрожали аристократии, судьям, местному губернатору, а ночью вступали в столкновения с силами правопорядка и захватывали зерновые амбары. Аграрный бунт получил отклик в городе, где местные жители вместе с сельским населением вышли на улицы под лозунгами: «Да здравствует Париж! Да здравствует свобода Франции!» С большим трудом бунт был подавлен губернатором провинции Кунео кавалером Буска с привлечением дополнительных сил правопорядка¹⁸. В отчетах местных властей министерству не использовались такие политические термины, как «революционеры», «якобинцы», «сан-

¹⁷ Исключение составляют донесения А.М. Белосельского-Белозерского, изданные в начале XX в.: *Un ambassadeur russe à Turin (1792-1793). Dépêches de S. E. le Prince Alexandre Bélosselsky de Bélozersk, publiées par la Princesse Lise Troubetzkoï, née Princesse Bélosselsky de Bélozersk.* P., 1901.

¹⁸ *Notizia del tumulto seguito in Dronero. Copia ordinato.* - Archivio di Stato di Torino (далее – AST). *Materie politiche per rapporto all'interno in generale.* Mazzo 3. F. 34-36.

кюлоты». Описание событий полностью укладывалось в официальный дискурс о пьемонтских народных волнениях середины – второй половины XVIII века, хорошо изученный в работах Дж. Прато и Дж. Рикуперати¹⁹. Использовалась лексика, характерная для описания криминальных происшествий – «сходка», «возмущение», «беспорядки», совершенные «различными лицами», «молодежью» или социальными низами, дословно, «плебсом»²⁰.

Полиция королевства с момента обострения кризиса в 1791 г. и начала народных волнений в столице и регионах активно преследовала тех подданных и эмигрантов, которые подозревались в сочувствии к французским идеям и контактах с французскими революционерами. Особым вниманием пользовались такие подозрительные лица из Савойи, Ниццы и Турина. Опасность, как это представлялось на первых порах, исходила от загадочных французских протестантов-революционеров, в том числе, неких Пеша, Шампатья и Талагро, прибывших летом 1792 г. по поручению консисторий Нима и Парижа в Италию под видом торговцев шелковыми изделиями, чтобы «проповедовать революционные идеи, возмущать население и взбунтовать войска». В июле-августе 1792 г. начались и аресты предполагаемых протестантов – членов клуба французского Нима. Следы первых трех подозреваемых потерялись, но, например, в Ницце были арестованы некие эмиссары-пропагандисты Трупена и Делор, первого подозревали в том, что он и есть президент клуба, второго в том, что именно он был руководителем недавнего избиения в Ниме католиков²¹. Очевидно, сказывалась здесь и традиционная неприязнь к другой конфессии. Дальнейшая судьба этих лиц неизвестна, а внимание туринского двора уже было полностью приковано к Савойе.

22 сентября 1792 г. французские войска заняли герцогство Савойя²². Первоначальный энтузиазм элит и населения по отношению к французам в Савойе 1792 г. быстро сменился скептицизмом

¹⁹ Ricuperati G. Agonia e fine di uno Stato d'Ancien Regime // Il Piemonte sabauda. Stato e territori in eta moderna. Torino, 1994. P. 741-834.

²⁰ Мятежный 1791 год стал моментом начала многих политических «якобинских» карьер в Пьемонте. Giovanni Antonio Ranza nel bicentenario della morte (1801-2001): atti del Convegno tenutosi a Vercelli il 24 novembre 2001. Vercelli: Vercelliviva, 2002.

²¹ Archivio di Stato di Torino. Materie politiche per rapporto all'interno in generale. Mazzo 5. F. 340, 340 v., 339, 339 v.

²² О присоединении Савойи к Франции в описании русских дипломатов см.: Митрофанов А.А. Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791-1792 гг. По материалам АВПРИ // ФЕ 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 78-92.

и недовольством. Разрозненное сопротивление в некоторых районах Верхней Савойи началось с января 1793 г., а уже в первые дни мая 1793 г. в долинах Верхней Савойи началось вооруженное народное восстание, известное как «война в Тон» («la guerre de Thônes»). Введение гражданской конституции духовенства, военные реквизиции и призыв граждан в революционную армию подтолкнули недовольное население к масштабному антифранцузскому выступлению. Крестьянское восстание в горных долинах проходило под лозунгами «Долой Францию! Да здравствует король!». Его жестоко подавили только спустя две недели силами 2000 французских солдат: мятежные поселения были разграблены или сожжены, а местные церковные приходы обложены огромной контрибуцией в 50 тысяч ливров²³.

В начале августа новое восстание охватило долины Верхнего Фосиньи. Вооруженные крестьяне при поддержке отрядов пьемонтской армии смогли 21 августа одержать победу в стычке с крупным французским отрядом под стенами города Саланш. Волнения ненадолго охватили даже Анси, но попытки вторжения сардинских войск в августе-сентябре в Савойю (район Тарантэз, Фосиньи и другие) не дали результата²⁴.

Подробно об этих событиях мы узнаём из анонимного сочинения на четырех листах, которое можно приблизительно датировать 1793-1794 гг. Исходя из упоминаемых в тексте фактов, текст написан не ранее мая-августа 1793 г., когда французская армия подавила нескольких вооруженных восстаний в Верхней Савойе²⁵. Автор его, по всей вероятности, принадлежал к числу лиц, вынужденных тогда бежать из Савойи. Подчеркивая верность своему монарху, он заявляет о желании «сорвать маски с людей, скрывающих свои пороки, ведомых спесью, завистью или низкими интересами», то есть – с республиканцев²⁶. В его списке всего четыре

²³ Nicolas J. La Révolution française dans les Alpes: Dauphiné et Savoie, 1789-1799. Toulouse, 1989. P. 199.

²⁴ Dimier L. Histoire de Savoie, des origines à l'annexion. Paris, Chambéry, s. a. P. 286-289. Иллюзии сардинского командования о возможности возвращения этого района Савойи были развеяны после поражения в битве при Мерибель 28 сентября 1793 г. См. подробнее: Saint-Genis, de. V. Histoire de Savoie, d'après les documents originaux. t. 1-3. Chambéry, 1868-1869. T. 3. P. 156-170.

²⁵ Roubeau F. La Frichelette de Thones. Guerre, mémoire et identité territoriale dans les Aravis de 1793 à l'âge d'internet // Journal of Alpine Research. Revue de géographie alpine. 2016. № 104-1. URL: <http://journals.openedition.org/rga/3229>; DOI: 10.4000/rga.3229

²⁶ Mémoire dénonciatif. – AST. Materie politiche per rapporto all'interno in generale. Mazzo 5. F. 183-186.

имени «подозрительных», но зато о каждом из них дается развёрнутая биографическая справка. Первым среди «апологетов революции» (эта формула распространяется на всех лиц из списка) назван некий Гонтар из Верхней Савойи: «В момент вторжения [французов] в Савойю он проявил чрезвычайное рвение в приходе Сен-Жерве, проповедуя там революцию и призывая жителей этого прихода собраться и избрать депутата, который должен выразить их желание присоединиться к Франции. Он постоянно добивался успеха. С того самого времени подобные ему пользуются такими же методами, и это их ярко характеризует. Свои цели эти разбойники прикрывают патриотизмом. Он не пренебрегал никакими средствами, чтобы получить голоса для занятия искомой должности. Сначала он был принят якобинцами, затем стал выборщиком, мировым судьей, что, однако, не удовлетворило его честолюбия, и он путем интриг получил место в совете дистрикта Клюз и заставил включить туда же еще некоего Бувара, своего товарища. В таком качестве он заслужил особое расположение и доверие Симона и других комиссаров Конвента, открыто агитируя против интересов короля, преследуя священников, их друзей, их близких и дворян, принадлежащих к его дистрикту. Он также обвиняется в том, что требовал созыва национальных гвардейцев, чтобы оказать сопротивление войскам короля в момент их вступления в Савойю. В Савойе живут его отец и его зять Жан Дюнан, которые очень революционно настроены; первый даже участвовал в депутатии в Конвент для поддержки принятия Конституции, второй же служит в части жандармов, которая преследует всех преданных делу нашего августейшего суверена»²⁷.

Другой пример республиканца – представитель бывшего третьего сословия из г. Саланш, некто Вюлье, отличившийся в подавлении савойского восстания 1793 г.: «Месье Вюлье стал главным апологетом Революции как раз накануне того, как она разразилась в Савойе. Через трех других лиц, подписавшихся на получение возмутительных и подстрекательских изданий, которые доставлялись по почте, он старался сделать эти тексты достоянием общественности. Во время [французского] вторжения в Савойю он сначала был уполномоченным, депутатом в Шамбери и в этом качестве выразил свое почтение якобинцам, а по возвращении [в Саланш – *А.М.*] озаботился созданием другой депутатии, что-

²⁷ Ibid. F. 183-184.

бы проповедовать идеи Революции в приходах Комблэ, Флюмэ, Сан Николя, Ля Гьетта и завоевать их голоса в поддержку присоединения к Франции, чего и добился. Рвение его, доказанное таким демаршем, обеспечило ему место прокурора коммуны Саланш, затем должность выборщика при организации департамента, и, наконец, место генерального секретаря дистрикта Кюз и председателя клуба то в Саланше, то в Кюзе, и одного из наиболее заметных из числа отъявленных якобинцев. Именно он писал из Шамбери в клуб Саланша, что французы уже захватили перевал Монсени и не стоит более бояться короля Сардинии. В другой раз именно он сообщил в клубе, что голова Луи Капета пала. Затем он добился того, чтобы вести шпионаж в дистрикте Кюз и во время восстания в Верхнем Фосиньи занимался этим с таким рвением, что смог раскрыть указанный бунт. Примчавшись на лошади галопом в Кюз, он получил войска, чтобы с ними двинуться на Саланш и несколько дней спустя он обличил в клубе Саланша главных вдохновителей этого восстания и потребовал их наказания»²⁸.

Автор памфлета описывал и других «лживых, хитрых и опасных» для Сардинского королевства «апологетов революции» – некий адвокат Кена из Кюз, представитель третьего сословия Бонфуа («связанный со списком из трех человек, подписавшихся на получение возмутительных изданий, которые приходили через почту в Саланше, а он их затем предавал широкой гласности»)²⁹. Отметим, что Вюлье, Бонфуа, Кена обвинялись в якобинизме лишь косвенно, главное же обвинение против них звучало как «приверженность к Революции» и даже ее «апология». Подчеркну, что речь шла о профранцузски настроенных активистах, возглавивших республиканское движение на муниципальном уровне.

В архивах полицейского ведомства Пьемонта хранится и еще одно уникальное дело – «Записка о жизни Ротондо, извлеченная из его собственных бумаг», посвященная богатой событиями биографии итальянского политического деятеля периода Французской революции Джованни-Батиста Ротонди (на французский манер – Жан-Батист Ротондо), известного также во Франции и других странах под псевдонимом Брамбилле (Brambille). В конце лета 1793 г. он оказался под следствием в Турине после сво-

²⁸ Ibid. F. 184-184 v.

²⁹ Ibid. F. 186. Отметим, что формулировка обвинения против Бонфуа дословно повторяет аналогичную формулировку против Вюлье.

их поездок по странам Европы, в частности, Франции, Англии и Швейцарии.

Преподаватель филологии Ротондо был уроженцем Миланского герцогства, откуда выехал в возрасте 21 года в 1773 г. Сперва он служил в имперском бюро в Ломбардии, но около 1783 г. переехал в Париж, где занялся мелкой торговлей. По обвинению в краже он оказался в Большом Шатле, провел там 6 месяцев, а затем был изгнан из Франции. После скитаний Ротондо переехал в Роттердам, где также занялся торговлей морскими и физическими инструментами. С началом Французской революции он в 1789 г. вернулся в Париж. Там он принял участие в разграблении отеля де Кастри, а в 1791 г. после расстрела демонстрации 17 июля на Марсовом поле второй раз оказался в парижской тюрьме, однако в дальнейшем сумел добиться оправдания³⁰. В сентябре 1792 г. Ротондо отправился в Лондон под именем Брамбилле, которое указывал для получения корреспонденции. В своей «Записке» Ротондо сообщал о личном знакомстве с членами Конвента А.-Л.-Ф. Сержаном-Марсо, Ж.-П. Маратом, Э.-Ж. Панисом, Ф. Эгалите и дипломатом Б. Шовленом. Первого он даже называл своим покровителем. Путешествие из Лондона в Швейцарию для него оказалось довольно трудным, часть пути пришлось совершить пешком. В Швейцарии, однако, он был арестован и 31 июля 1793 г. оказался в распоряжении властей Сардинского королевства. Нам неизвестно, что из рассказа этого революционера и авантюриста соответствовало действительности, но следователи дополнили его биографию важной деталью: «Французские эмигранты в Лондоне обвиняли его в том, что он и отсек [во время сентябрьских убийств 1792 г. в парижских тюрьмах – А.М.] голову мадам де Ламбаль и был не кем иным как эмиссаром якобинцев [в Англии – А.М.]. Он пребывал в Виндзоре, потом в Бате в октябре 1792 г.»³¹.

Казалось бы, принадлежность Ротондо к числу французских якобинцев или, по меньшей мере, к сочувствующим, не подлежала сомнению, однако полицейские власти не сочли необходимым это каким-то образом артикулировать, методично собирая письменные свидетельства о данном персонаже и избегая оценок, но

³⁰ Об аресте Ротондо 17 июля 1791 года есть сведения в документах Коммуны Парижа: Actes de la Commune de Paris Pendant la Révolution, Publiés Et Annotés Par Sigismond Lacroix. 2e Série (du 9 Octobre 1790 Au 10 Août 1792): 1er août - 5 octobre 1791. Paris, 1973. P. 668.

³¹ AST. Materie politiche per rapporto all'interno in generale. Mazzo 4. F. 3-4.

выделяя гораздо более тяжкое в их глазах обвинение в соучастии в расправе над принцессой Ламбаль³².

В туринском архиве содержится также «Записка об аресте Ротондо в Женеве» (1793 г.). В ней неизвестный франкоязычный автор изложил подробности пребывания Ротондо в Женеве, где его, в конце концов, обвинили в подготовке восстания. Автор документа («бывший женевский магистрат») изобличал Ротондо в фанатичном желании присоединить часть земель швейцарских кантонов к Франции, по примеру Савойи и Ниццы. Он подробно и со знанием дела перечислил министру внутренних дел туринского кабинета Гранери все обвинения против Ротондо, его многочисленные связи с революционерами и мятежниками в Париже, Брюсселе, городах Швейцарии. Ротондо, если верить этому свидетельству, собирался организовать в Каруже³³, а затем и в Женеве, восстание «санкюлотов» при поддержке частей савойской национальной гвардии и установить режим террора. В случае же неудачи восстания он хотел бежать в австрийский Тироль³⁴. «Этот человек весьма хитер, – отмечал автор «Записки», – но он не смог убедить в том, что не имел каких-либо дурных намерений в отношении Женевы. Напротив, он оставил всех в убеждении, что хотел спровоцировать некое мощное движение, с помощью которого и рассчитывал организовать присоединение ее к Франции. Он намеревался перебить глав комитетов [Женевы – А.М.], чтобы заменить их готовыми на все санкюлотами. Можно допросить его о восстании, произошедшем в Каруже во время задержания женевского капитана Дюнана. Деятельность и добропорядочность офицера-коменданта помешала открытию тюрем, а бандиты Каружа и Женевы некоторое время уже всюду трудились над тем, чтобы лишить жизни Дюнана. Его голову должны были водрузить на пикку и принести в Женеву в сопровождении бандитов из Каружа, которых там немало. К ним должны были примкнуть национальные гвардейцы, чтобы прибыть вместе в город, где они надеялись учинить террор. Поскольку число санкюлотов там значительно уве-

³² Ibid. F. 11.

³³ Каруж (Carouge) – в конце XVIII в. – интендантство в герцогстве Савойя, отдельная коммуна близ Женевы, территория которой в 1780-1786 гг. передана сардинскому королю Виктору-Амедею III, а после Венского конгресса присоединена к швейцарскому кантону.

³⁴ В донесениях российских дипломатов из Турина сведения о роли французов в разжигании восстания в Женеве появлялись регулярно, начиная с февраля 1791 года. – См., например: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 93. Л. 7 об.

личилось бы, они уже наметили известное количество голов [для отсечения – А.М.]. Цель этого восстания заключалась в присоединении Женевы к Франции, однако военные в Каруже разогнали бунтовщиков и Ротондо со своими швейцарскими поделщиками были арестованы³⁵.

Автор «Записки», по-видимому, принадлежал к кругу знакомых известного французского дипломата и бывшего маркиза Бернара-Франсуа де Шовлена (1766-1832). Из нее мы узнаем, что в июне-июле 1793 г. Шовлен находился в Женеве и даже встретился с Ротондо, обсудив с ним его судьбу и снова вспомнив о роли последнего в сентябрьских убийствах: «Женевские комитеты, хотя и убедились, что этот человек имеет преступные замыслы, но, не получив вещественных свидетельств и продержав его несколько месяцев в тюрьме, удовольствовались его изгнанием с территории Республики. Господин Шовлен, бывший в Женеве, попросил о встрече с ним, в момент, когда его выпроваживали за пределы города, так как проявил любопытство и хотел удостовериться, тот ли это человек, которого он видел в Лондоне. Ротондо прибыл к нему и спросил, полагает ли Шовлен, что как известный якобинец он [Ротондо] находится в безопасности, и господин Шовлен немного успокоил его относительно возможности ареста за якобинизм»³⁶.

Отметим, что «преступный» якобинизм Дж.-Б. Ротондо, по мнению авторов всех этих документов из туринского архива, сводился, прежде всего, к замыслу поднять санкюлотов на восстание против законной власти и лишить Женеву независимости. Какого-либо анализа социальных или политических взглядов Ротондо в обширном туринском архиве нами не обнаружено. Остается без ответа вопрос о том, как коррелировали многочисленные обвинения против Ротондо с реальным положением дел, сложными франко-женевскими отношениями после переворота 28 декабря 1792 г., когда прежний олигархический режим в Женеве был ликвидирован, а политическая линия Парижа относительно Женевы не отличалась определенностью, особенно в период активной деятельности здесь резидента Франции Ж.Л. Сулави³⁷.

³⁵ AST. Materie politiche per rapporto all'interno in generale. Mazzo 4. F. 10-10 v.

³⁶ Ibid. F. 11. О ситуации в Швейцарии см.: *Czouz-Tornare A.J.* La Suisse face à la Révolution française: une conception différente de la Nation; de la République des Suisses à la République helvétique (1789-1803) // Du Directoire au Consulat. 2. L'intégration des citoyens dans la Grande Nation. Lille, 2000.

³⁷ О революционных событиях в Женеве см.: *Brandli F.* Le nain et le géant. La république de Genève et la France. Rennes, 2012; *Golay E.* Quand le peuple devint roi. Mouvement

В 1793 г. последний открыто вел игру против местного правительства, агитировал крестьянство и жителей окрестных коммун, но новые власти решительно отказывались от идеи слияния Женевы с Францией. Впрочем, в июле 1794 г. местным радикальным революционерам удалось на целый год установить там некое подобие террористического режима в миниатюре, чему способствовал острый экономический и торговый кризис в республике³⁸.

22 июля / 2 августа 1794 г. российский дипломат – поверенный в делах в Генуе И.Г. Лизакевич сообщил в Петербург о двух крупных раскрытых заговорах в Сардинии и Неаполе: «Заговор против Сардинского короля не совсем еще открыт, он вначале не имел никакой связи с здешним, а родился в Тортоне, которую крепость положено было отдать французам. Потом перешли в Турин. Главы сего злоумышления еще не взяты под стражу и не подозреваемы. В сем заговоре Тилли не имел никакого участия, оной производился прямо в Ницце с Робиспьером с Саличетти и Рикором»³⁹. Располагавший сетью информаторов в самых разных слоях общества, Лизакевич проявил себя как очень осведомленный и достойный соперник французского министра в Генуе Тилли, проводившего активную политику от имени Национального Конвента, и сообщенная им информация, действительно, заслуживала доверия. Заговор республиканцев в Турине, раскрытый в мае 1794 г., и в самом деле был крупнейшим в истории Сардинского королевства⁴⁰.

В историографии нет единства мнений относительно этого предприятия пьемонтских республиканцев. В ряде исторических трудов о нем упоминают как о результате деятельности тайных обществ, целиком зависевших от указаний и субсидий французского представителя в Генуе Ж. Тилли, однако готовившихся к самостоятельным действиям, не дожидаясь прихода французских войск, что и привело заговор к краху. Другие авторы предлагают более упрощенную трактовку происшедшего, не акцентируя вни-

---

populaire, politique et révolution à Genève de 1789 à 1794. Genève, 2001. О Сулави см., в частности: *Tourel A.* Histoire de Genève: depuis son origine jusqu'a nos jours, suivie de la vie des hommes illustres. T. 1-3. Genève, 1833. Т. 3. P. 428-432.

³⁸ *Viuesseux A.* The history of Switzerland, from the irruption of the barbarians to present time. London Lincoln's inn fields, 1840. P. 220-224. Сулави, назначенный в Женеву, находился там с 3 июля по 6 декабря 1793 г. В тексте записок о Ротондо Сулави не упоминается, что указывает на крайнюю дату их написания.

³⁹ АВПРИ. Сношения с Генуэзской республикой. Ф. 48/2. Д. 84. Л. 89 об.

⁴⁰ О Тилли подробнее см.: *Villani P.* Agenti e diplomatici francesi in Italia (1789–1795). Un giacobino a Genova: *Jean Tilly* // Società e storia. 1994. № 65. P. 529–58.

мания на связях между представителями Конвента и туринскими заговорщиками и отмечая, что только перехват секретных писем заговорщиков в Генуе стал причиной их неудачи⁴¹.

Сардинский двор воспринял это событие как экстраординарное, связанное с подпольной деятельностью потенциальных революционеров в крупных городских коммунах Пьемонта. Своим патентом от 25 мая 1794 г. король учредил чрезвычайный орган – джунту – для расследования политического заговора, предоставив ей полномочия Сената. По мнению М. Броерса, это был поворотный момент для монархии, переживавшей тяжелый кризис⁴². Опасность революционного движения на местах, полагает английский историк, была для королевской власти выше, чем активность республиканского подполья в столице.

В Турине еще в 1793 г. начались регулярные тайные встречи членов нескольких тайных обществ, участники которых читали французскую прессу и комментировали текущие события. Один из этих клубов состоял из пьемонтцев, которым суждено будет сыграть значительную роль после присоединения Пьемонта к Франции. В их числе были врач К. Ботта, юристы М. Пеллиссери, Ф. Кампана, А. Пико, офицер Л. Гилюсси и другие. Встречи проходили в доме доктора Фердинандо Бароло. Вскоре был налажен контакт с французским полномочным министром в Генуе Ж. Тилли. Последний приложил все усилия, чтобы подтолкнуть к тесному сотрудничеству другой республиканский тайный «центр», также созданный в Турине, в состав которого входили Гульельмо Черизе, братья Шантель, коммерсант Франческо Жюнод (Жюно) и представитель Альбы Игнацио Бонафус. После объединения усилий наиболее радикальные участники обществ предложили план действий вооруженных отрядов республиканцев в столице и провинции, захвата туринского арсенала, цитадели, королевской семьи и провозглашения республиканского правительства с последующим приглашением на помощь французской армии. Восстание было намечено на июнь 1794 г. Однако, часть секретной переписки членов тайных обществ с пьемонтскими эмигрантами в сере-

⁴¹ Lemmi F. *Le origini del Risorgimento Italiano (1789-1815)*. Milano, 1906. P. 67-68. Участник этого тайного движения и заговора, историк К. Ботта, позднее напишет в своей «Истории Италии», что заговор был организован людьми, бывшими в плену иллюзий, без опыта и средств к осуществлению плана. *Botta Ch. Histoire d'Italie, de 1789 à 1814*. T. 1. P., 1824.

⁴² Вслед за майским заговором 1794 г. джунта расследовала антимонархический заговор в Асти: *Broers M. Op. cit.* P. 573-597.

дине мая была перехвачена и оказалась в распоряжении сардинских властей. Важную роль в разоблачении заговорщиков сыграл Ф. Бароло, выдавший 24 мая 1794 г. властям большинство своих товарищей и раскрыв часть общего плана восстания. К. Ботта, М. Пелиссери, Д. Черизе и И. Бонафус сумели бежать из Пьемонта, так же как и еще четыре сотни их единомышленников. Как показало следствие, между туринским центром и группами в Асти, Тортоне, Новаре и Альбе имелись хорошо налаженные связи. Велась агитация и среди офицерского корпуса⁴³.

В Государственном архиве Турина сохранились документы государственного секретариата внутренних дел и джунты относительно расследования заговора 1794 г., в частности, недатированная «Записка о сообщниках, арестованных по причине тайной революции»⁴⁴. Это – комментированный список арестованных, осужденных и подозреваемых заговорщиков, включая тех, кто спасся бегством во Францию или на оккупированные французами территории. Важно, что никто из 45 человек упомянутых в списке не обвинялся в «якобинизме» или даже в «апологетике Революции». Все участники заговора проходили по обвинению в «оскорблении величества»: авторы официальных документов, по-видимому, избегали неправовых с точки зрения магистратов и юристов терминов и понятий. Тем не менее, заговорщикам были вынесены жесткие приговоры: одних осудили на десятилетнее тюремное заключение, для 12 человек (очевидно, бежавших за границу) провели символические казни их изображений, а Шантель, Жюно и Дестефанис были реально казнены 22 июля 1794 г. в назидание всем подданным⁴⁵.

Просопографического исследования участников туринского заговора – членов тайных обществ – до настоящего времени, насколько мне известно, не проводилось, хотя составление некоего коллективного портрета помогло бы историкам несколько лучше ориентироваться в политических реалиях 1790-х гг. Как показывают многочисленные исследования, этот заговор составили люди, которых можно с довольно высокой степенью точности опре-

⁴³ *Vaccarino G. Op. cit. V. 1. P. 9-10.*

⁴⁴ *Nota de complici arrestati a cagione della segreta rivoluzione. – AST. Materie politiche per rapporto all'interno in generale. Mazzo 3. F. 1-6*

⁴⁵ Эта тактика не была исключительной пьемонтской. Осознавая серьезность угрозы, монархи готовы были ответить террором на террор, как это показал опыт подавления революции в Неаполе 1799 г. – *Turi G. Op. cit. P. 17-23, 33-40.*

делить как представителей просвещенной элиты⁴⁶: большинство среди них составляли кадровые офицеры, командиры городской милиции, чиновники, адвокаты, врачи, меньшинство – священники, коммерсанты. Биографии некоторых из заговорщиков представляют большой интерес⁴⁷.

Вместе с тем, количество новых «подозрительных» (*sospetti*), как они официально именовались в полицейских сводках, в 1794-1795 гг. было крайне невелико. Так в одном недатированном списке (вероятно, также связанном с раскрытием заговора в мае 1794 г.) названо всего девять имен: Галинко Режи Куртуа, врач Руффо, архитектор Камилло Руска, капитан ополчения в Асти – Борра, торговец Сторленго, неаполитанский агент в Пьемонте Барри, кондитер Разе, слуга Джакомо из кафе ди Песка на набережной По, и некий Спертино-младший. Обращает на себя внимание лаконичный характер списка «подозреваемых в склонности к революции» и снова отсутствие упоминания «якобинизма»⁴⁸.

Розыск республиканцев и сочувствующих им отражен и в другом списке «подозреваемых в склонности к революции», составленном 23 мая 1794 г. Среди них фигурируют представители столичной просвещенной элиты: врач Верно, «весьма подозреваемый в якобинизме» и разоблаченный благодаря доносу графа де Лоша; хирург Джулиано, произносивший оскорбительные речи против суверена и правительства; очень благоволивший французам и, вероятно, также врач, падре Петро Капелларо. Два последних заслужили характеристику «злых якобинцев» (*giacobino arrabbiato*). В списке отмечены некий «прославленный» военный хирург Бальбис из полка герцога д'Аоста, некто Борлье, «крайний якобинец», произносивший подстрекательские речи, на которого поступил донос от офицера Дж. Торелла, В указанном перечне присутствуют среди прочих и такие представители низов, как «служащий (*il garzone*) у торговца Пьовано» (его упомянули даже

⁴⁶ Об административно-бюрократической и военной элите Пьемонта конца XVIII в. см.: *Bianchi P., Merlotti A. Storia degli Stati sabaudi (1416-1848)*. Brescia, 2017.

⁴⁷ Из обширной литературы о пьемонтских участниках тайных обществ 1793-1794 гг. можно отметить следующие работы общего характера: *Bianchi N. La verità trovata e documentata sull'Arresto e prigionia di Carlo Botta // Curiosità e ricerche di storia subalpina*. Torino, 1876. Т. II. P. 106-109; *Carutti D. Storia della corte di Savoia durante la Rivoluzione e l'Impero francese*. 2 vol. Torino-Roma, 1892; *Onnis P. F. Buonarroti e altri studi*. Roma, 1972; *Sforza G. L'indennità ai giacobini piemontesi perseguitati e danneggiati (1800-1802)*. Torino, 1909; *Vaccarino G. Op. cit.*

⁴⁸ AST. Materie politiche per rapporto all'interno in generale. Mazzo 4. F. 103.

без указания собственной фамилии) и некий «сочувствующий самым злостным якобинцам» Ракка, бродяга родом из Салюццо⁴⁹. Складывается впечатление, что источниками составления таких списков служили письменные доносы знакомых этих лиц и визуальное наблюдение полицейских агентов, а главной причиной появления таких списков как раз и стало неожиданное раскрытие майского заговора, а отнюдь не систематическая агентурная работа.

Параллельно с основным следствием по делу о заговоре разворачивалось и довольно запутанное дело советника и переводчика российского посольства Николая Вансона. Арестованный местными властями в Кремоне, где он находился по делам посольства, Вансон был при посредничестве австрийского посла срочно возвращен в Турин. 13/24 мая 1794 г. поверенный в делах российского двора при туринском дворе П.И. Карпов доложил в Санкт-Петербург о «неприятном деле» – обвинении сардинским министром д'Отвилем⁵⁰ француза Вансона в причастности к тайному обществу республиканцев, заговору против короля и переписке с другими заговорщиками-итальянцами – коммерсантами Тавернье и В. Каула. Подозрения в отношении Вансона были настолько серьезны, что Карпов самостоятельно провел в его квартире обыск, и не найдя компрометирующих политических текстов, доложил об этом министру. Впрочем, свободы своему подопечному он не предоставил: «Если же по теперешним сего правительства розыскам и Вансон найдется явным сообщником в злоумышлении многих уже в сношении с французскими здесь обличенными, в таком случае почту за нужное и Вансона иметь под строгим присмотром до получения ваших приказаний <...>»⁵¹. Вансон на долгие месяцы оказался под домашним арестом по своему туринскому адресу – в квартире в доме маркиза д'Адзельо⁵². В упомянутой записке сардинского министра иностранных дел д'Отвиля Вансон обвинялся в тесной дружбе с арестованными заговорщиками, дерзких «революционных речах» против суверенов и самой императрицы России, личном знакомстве с членами Национального Конвента, связями с агентами французского представителя Ж. Тилли в Генуе и даже в том, что в компании других членов тайного клуба часто но-

⁴⁹ Ibid. Mazzo 5. F. 73, 73 v.

⁵⁰ Джузеппе Франческо Джероламо Персе д'Отвиль – граф, министр иностранных дел при дворе короля Виктора-Амедея III в 1790-1796 гг.

⁵¹ АВПРИ. Ф. 85. ОП 85/2 Д. 111. Л. 43-43 об.

⁵² Там же. Л. 43-44 об.

сил красный колпак⁵³. О биографии Вансона (в итальянских документах – Vanzone или Vuanzon) не известно практически ничего, если не считать его собственные оправдательные записки с краткими сведениями о себе: советник и переводчик русского посольства в 1793-1794 гг., французский эмигрант Вансон явно не желал раскрывать карты даже под угрозой суда и сурового приговора, клялся в верности императрице Екатерине II и в своей преданной службе престолу⁵⁴. Доказать участие Вансона в «злодейском злоумышлении» сардинским следователям так и не удалось, но в первых числах января 1795 г. с согласия петербургской коллегии иностранных дел переводчик был уволен с дипломатической службы и по разрешению сардинского кабинета выехал в Ливорно⁵⁵.

Не претендуя в рамках данной статьи на детальный анализ указанного сюжета, до сих пор не освещенного в научной литературе, отметим некоторые особенности политической лексики русских дипломатических донесений. В отношении савойских и пьемонтских «бунтовщиков», создающих «ферментацию», поднимающих восстания местного «мещанства» и крестьянства, дипломаты России использовали разные термины, но в донесениях 1791-1792 гг. «якобинцами» именовали исключительно французов, выделяя «якобинское правительство», «командование» и рядовых активистов – «клубистов». Значительные изменения в дискурсе об итальянских республиканцах можно отметить уже в 1793 г., а в 1794 г. термин «якобинец» становится вполне привычным. Так, дипломат П.И. Карпов в депеше от 17/28 июня 1794 г. неоднократно именовал всех участников заговора «якобинцами»: «Вследствие открытого против всей королевской фамилии и здешняго правительства злоумышления, хотя уже и многие из здешних якобинцов захвачены под арест, по сие время, по обыкновенной здесь во всем медленности, еще не один из оных не осужден к заслуженному наказанию, а многие думают, что правительству еще не удалось захватить истинных начальников упомянутого злоумышления и что оныя, может быть, уже находятся в числе около двух сот скрывшихся уже из Пьемонта в чужие области». Презумпция невиновности в отношении самого Вансона сохранялась, по-

⁵³ Там же. Л. 96-97.

⁵⁴ Там же. Л. 100-102 об.

⁵⁵ Там же. Д. 116. Л. 3-3 об. Высока вероятность того, что Вансон избежал суда и наказания благодаря дипломатическому расчету графа д'Отвиля (см. письмо П.И. Карпова вице-канцлеру графу И.А. Остерману от 6/17 января 1795 г.).

видимому, только благодаря его дипломатическому статусу. Таким образом, заметны два подхода: для русского дипломата нет сомнений в существовании «якобинцев» в Турине, к которым Вансон не имеет отношения, а сардинские власти вели речь о «подозреваемых», «заговорщиках» и «революционерах», к числу которых он, несомненно, принадлежит. О реальной же роли этого человека в подготовке восстания 1794 г. говорить без привлечения дополнительных источников сложно. В любом случае, дело Вансона и его возможное участие в заговоре по свержению династии остается одним из загадочных эпизодов борьбы монархии с «якобинской угрозой».

Представитель России в Генуе И.Г. Лизакевич использовал термины «якобинец» и «якобинизм» в своих донесениях, как правило, в отношении генуэзских политиков и общественных деятелей. Например, в письме от 29 июля/9 августа 1794 г. он отмечал: «Тилли признается, что в Генуе много якобинцов разных чинов и природы, но все они крикуны, пустомели и трусы, не смея ничего предпринять коли же паче действовать по плану: что два самыя отважные и способныя главы и именно Иван Карл Серра и Гаспар Саули заточены в темницу. Первой, честолюбивой сверх меры, не желал перемены как лично для себя, дабы похитить верховную власть, а второй, с беглым братом Джентили сочинили план отрубить головы членам правительства, ввести народное правление и быть главами народа. В том и другом случае, по признанию Тилли, Генуэзская республика не была бы никак похожа на французскую»⁵⁶.

Возмущения и мятежи в разных регионах Сардинского королевства в 1789-1792 гг. преимущественно имели характер традиционных для общества Старого порядка антиналоговых и анти-сеньориальных бунтов. В донесениях из коммун и агентурных сводках фигурируют «мятежники», «подстрекатели» и «подозрительные», но не «якобинцы». Сообщения из Франции этого периода, обнаруженные нами в архиве Турина, показывают, что при дворе хорошо ориентировались в особенностях французской политической жизни, различиях политических группировок, но не переносили эти сложные французские понятия на политическую сферу Пьемонта. Присоединение Савойи и Ниццы к Франции 1792 г. оказало заметное влияние на политический лексикон сардинской элиты. В источниках 1793-1794 гг. ситуация меняется,

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 48/2. Д. 84. Л. 106

обвинение в «якобинизме» теперь выглядело как отягчающее обстоятельство, а сам термин нередко сопровождался негативным эпитетом («кровожадные», «злобные» и т.д.). Вчерашние «пропагандисты» и «апологеты» Революции чаще именуется «якобинцами», хотя сам заимствованный термин все еще имел расплывчатый характер.

Таким образом, к началу «республиканского трехлетия» политический дискурс в Пьемонте сравнительно медленно обогащался новой лексикой. Административно-бюрократическая система прагматично использовала новую терминологию, встраивая ее в дискурс о преступлениях против государства, таким способом избирательно маргинализируя наиболее радикальных оппонентов монархии. Свидетельством того, что в устной коммуникации элиты все же пользовались новой лексикой еще более широко и применительно именно к событиям в Италии, служат донесения российских дипломатов, где события во Франции и Пьемонте синхронизировались и обобщались.

REFERENCES

- Бондарчук В.С.* Италия в период Французской революции и наполеоновского господства (1789-1814 гг.) // История Италии. В 3 т. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 6-68. [Bondarchuk V.S. Italiya v period Francuzskoj revolyucii i napoleonovskogo gospodstva (1789-1814 gg.) // Istoriya Italii. V 3 t. M.: Nauka, 1970. T. 2. S. 6-68].
- Митрофанов А.А.* Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791-1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 78-92. [Mitrofanov A.A. Myatezhnaya Savojsya: ot «velikoj fermentacii» do francuzskoj okkupacii. 1791-1792 gg. Po materialam AVPRI // Francuzskij ezhegodnik 2018: Mezhkul'turnye kontakty v period inostrannoј okkupacii. M.: IVI RAN, 2018. S. 78-92].
- Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 25-41. [Tchoudinov A.V. «Soldaty svobody» ili smertel'nyj vrag? Francuzy v Yuzhnoj Italii 1798–1799 gg. // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 2016. T. 18. № 2 (151). S. 25-41].

- Actes de la Commune de Paris pendant la Révolution / Publiés et annotés par S. Lacroix. 2e sér. (du 9 Octobre 1790 au 10 Août 1792): 1er août – 5 octobre 1791. Paris: AMS Press, 1973.
- Agnoli F.M.* Gli Insorgenti. Trento: Reverdito, 1989.
- Agnoli F.M.* Guida introduttiva alle insorgenze controrivoluzionarie in Italia durante il dominio napoleonico 1796-1815. Pessano: Mimep-Docete, 1996.
- Bianchi N.* La verità trovata e documentata sull'Arresto e prigionia di Carlo Botta // Curiosità e ricerche di storia subalpina. Torino: Fratelli Bocca, 1876. P. 95-146.
- Bianchi P., Merlotti A.* Storia degli Stati sabaudi (1416-1848). Brescia: Morcelliana, 2017.
- Botta Ch.* Histoire d'Italie, de 1789 à 1814. Paris: P. Dufart, 1824.
- Brandli F.* Le nain et le géant. La république de Genève et la France. Rennes: PUR, 2012.
- Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1733-1821. State Building in Piedmont. Oxford: Edwin Mellen Press, 1997.
- Broers M.* Revolution as vendetta: Patriotism in Piedmont 1794-1821 // The Historical Journal. 1990. Vol. 33. № 3. P. 573-597.
- Burstin H.* Autour de la «révolution passive» en Italie: réflexions comparatives // Annales historiques de la Révolution française. 2003. № 334. P. 61-81.
- Capra C.* Gli italiani prima dell'Italia. Un lungo Settecento, dalla fine della Controriforma a Napoleone. Roma: Carocci, 2014.
- Carutti D.* Storia della corte di Savoia durante la Rivoluzione e l'Impero francese. 2 vol. Torino-Roma: L. Roux e C-e, 1892.
- Cattaneo M.* Insorgenze controrivoluzionarie e antinapoleoniche in Italia (1796-1814). Presunti complotti e sedicenti storici // Passato e presente. 2008. № 74. P. 81-107.
- Criscuoulo V.* L'idee de republique chez les jacobins italiens // Annales historiques de la Révolution française. 1994. № 296. P. 279-296.
- Czouz-Tornare A., Maradan E.* A la recherche d'un jacobinisme helvétique. // Annales historiques de la Révolution française. 1990. № 282. P. 422-445.
- Czouz-Tornare A.J.* La Suisse face à la Révolution française: une conception différente de la Nation; de la République des Suisses à la République helvétique (1789-1803) // Du Directoire au Consulat. 2. L'intégration des citoyens dans la Grande Nation. Lille:

- Publications de l'Institut de recherches historiques du Septentrion, 2000. P. 121-141.
- De Felice R.* Italia giacobina. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1965.
- Dictionnaire historique de la Révolution française / Sous dir. de A. Soboul. 2de éd. Paris: PUF, 2006. P. 585-592.
- Dimier L.* Histoire de Savoie, des origines à l'annexion. Paris, Chambéry, s. a.
- Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica. Roma: Carocci, 1999.
- Francesco A. da.* Storie dell'Italia rivoluzionaria e napoleonica (1796-1814). Milano: Pearson, 2016.
- Giovanni Antonio Ranza nel bicentenario della morte (1801-2001): atti del Convegno tenutosi a Vercelli il 24 novembre 2001. Vercelli: Vercelliviva, 2002.
- Golay E.* Quand le peuple devint roi. Mouvement populaire, politique et révolution à Genève de 1789 à 1794. Genève: Slatkine, 2001.
- Lemmi F.* Le origini del Risorgimento Italiano (1789-1815). Milano: Ulrico Hoepli, 1906. P. 67-68.
- Leso E.* Lingua e rivoluzione: ricerche sul vocabolario politico italiano del triennio rivoluzionaria, 1796-1799. Venezia: Istituto veneto di scienze, lettere ed arti, 1991.
- Meister J.H.* Souvenirs de mon dernier voyage à Paris (1795). Paris: Alphonse Picard et fils, 1910.
- Nicolas J.* La Révolution française dans les Alpes: Dauphiné et Savoie, 1789-1799. Toulouse: Privat, P. 1989.
- Nuovo vocabolario filosofico-democratico indispensabile per ognuno che brama intendere la nuova lingua rivoluzionaria. Venezia, 1799.
- Onnis P. F.* Buonarroti e altri studi. Roma, Edizioni di storia e letteratura, 1971.
- Petracone C.* Il giacobinismo napoletano // Modello politico giacobino e le rivoluzioni. Sotto la dir. M. L. Salvadori, N. Tranfaglia. Firenze, La Nuova Italia, 1984, P. 138-141.
- Rao A.M.* Guerre et politique. L'ennemi dans l'Italie révolutionnaire et napoléonienne // Annales historiques de la Révolution française. 2012. № 369. P. 139-151.
- Ricuperati G.* Agonia e fine di uno Stato d'Ancien Regime // Il Piemonte sabauda. Stato e territori in et moderna. Torino: UTET, 1994. P. 741-834.

- Roubeau F.* La Frichelette de Thones. Guerre, mémoire et identité territoriale dans les Aravis de 1793 a l'âge d'internet // *Journal of Alpine Research. Revue de géographie alpine.* 2016. № 104-1. URL: <http://journals.openedition.org/rga/3229>. Дата обращения: 10.05.2020.
- Saint-Genis, de. V.* Histoire de Savoie, d'après les documents originaux. T. 1-3. Chambéry : Bonne, Conte-Grand et Cie, 1868-1869.
- Sforza G.* L'indennità ai giacobini piemontesi perseguitati e danneggiati (1800-1802). Torino: Deputazione Subalpina di Storia Patria, 1909.
- Tourel A.* Histoire de Genève : depuis son origine jusqu'a nos jours, suivie de la vie des hommes illustres. T. 1-3. Genève: Chez L. Collin et c-ie, 1833. T. 3. P. 428-432.
- Turi G.* Guerre civili in Italia. 1796-1799. Roma: Viella, 2019.
- Un ambassadeur russe à Turin (1792-1793). Dépêches de S. E. le Prince Alexandre Bélosselsky de Bélozersk, publiées par la Princesse Lise Troubetzkoï, née Princesse Bélosselsky de Bélozersk. Paris: E. Leroux, 1901.
- Vaccarino G.* Giacobini Piemontesi 1794-1814. 2 vol. Roma: Ministero per beni culturali e ambientali, 1989.
- Vieusseux A.* The history of Switzerland, from the irruption of the barbarians to present time. London: Lincoln's inn fields, 1840.
- Viglione M.* La Vandea Italiana. Le insorgenze controrivoluzionarie dalle origini al 1814. Milano: Effedieffe, 1995.
- Viglione M.* Rivolte dimenticate. Le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815. Roma: Città Nuova, 1999.
- Villani P.* Agenti e diplomatici francesi in Italia (1789– 1795). Un giacobino a Genova: Jean Tilly // *Società e storia.* 1994. № 65. P. 529–58.
- Zaghi C.* L' Italia giacobina. Torino: UTET, 1989.